

Дела Генерального межевания как лексикологический источник

(К изучению географической лексики Воронежского края в ее историческом развитии)

Со второй половины XVIII в. до середины XIX в. в России проводилось Генеральное межевание — «точное определение границ земельных владений отдельных лиц, крестьянских общин, городов, церквей и других собственников земли»¹. Межеванием была охвачена значительная часть губерний Европейской России (всего 35 губерний)². На местах вопросами межевания занимались специальные землемерные партии и межевые конторы. Высшими органами, которые ведали межеванием во всем государстве, были Межевая канцелярия и Межевая экспедиция при Сенате³. Межевой экспедицией была составлена «Инструкция для землемеров» от 13 февраля 1766 г., в которой были даны правила проведения межевания. В инструкции отмечалось, что землемер обязан проводить межевание только в присутствии поземельных владельцев или их поверенных. Кроме того, землемер из старожилов и окольных людей, хорошо «знающих землям их межи, межевые признаки и урочища», обязан был выбрать 12 человек понятых, которые давали присягу в том, что

¹ Советская историческая энциклопедия, т. 9. М., 1966, с. 192—193.

² Перечень губерний, а также время проведения межевания в каждой из них см.: *Цветков М. А.* Картографические материалы Генерального межевания. — Вопросы географии, сб. 31. М., 1953, с. 91—92.

³ См.: *Милов Л. В.* Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию. М., 1965, с. 36.

они будут «тем землям межи, межевые признаки и урочища, а деревням и пустошам названия показывать по самой сущей справедливости»⁴. Землемерам предлагалось описывать земли «надлежащим образом с прилежанием и верностью, а наугад отнюдь того не делать, ибо от неверности больше может произойти вреда, нежели пользы»⁵.

На каждую межевую едищицу, так называемую дачу, землемер составлял полевую записку, которая включала в себя как текстовое описание обмежеванной территории, так и специальный план дачи. Кроме того, в полевую записку землемер вносил также сказки местных старост, разного рода земельные отводы. На основе специальных планов составлялись генеральные уездные, а затем и генеральные губернские планы и карты, межевые атласы. Генеральные планы, как правило, сопровождалась «Экономическими примечаниями». Во время межевания земель между землевладельцами возникали многочисленные споры относительно прав владения тем или иным урочищем, а также границ, размеров дач⁶. Споры эти отразились в специальных документах, называемых спорными и следственными делами.

Большая часть материалов Генерального межевания уцелела до наших дней. Основными хранилищами этих материалов являются обширные поместно-вотчинные и межевые фонды ЦГАДА, а также фонд Военного ученого архива Центрального государственного военно-исторического архива в Москве и фонд Правительствующего Сената Центрального исторического архива в Ленинграде.

Дошедшая до нас межевая документация делится на две группы материалов: графическую («чертежный архив») и письменную («писцовый архив») ⁷. Первую группу документов образуют специальные планы на отдельные дачи межевания, генеральные уездные и губернские планы, межевые атласы и карты. К письменным материалам относятся полевые записки и полевые журналы землемеров, межевые книги, спорные и следственные дела, журналы

⁴ *Зиновьев Н. А.* Краткие сведения по истории межевания в России. СПб., 1897, с. 19—20.

⁵ Цит. по: *Цветков М. А.* Указ, соч., с. 93.

⁶ Описание одного такого «межевого» спора можно прочитать в кн.: *Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков.* 1738—1793, т. 3. СПб., 1872, с. 201—334.

⁷ *Тихомиров М. Н.* Источниковедение истории СССР, вып. 1. М., 1962, с. 424.

и протоколы заседаний межевых контор и Межевой канцелярии, книги указов.

Материалы Генерального межевания как ценнейший источник по истории крестьянства и помещичьего хозяйства, промышленности и торговли России привлекли к себе внимание еще дореволюционных историков⁸. Советская историческая наука также располагает значительным количеством работ, посвященных характеристике и изучению материалов Генерального межевания (в первую очередь «Экономических примечаний»)⁹.

Как ценнейшие, содержащие исключительной важности сведения для изучения географии, природы и сельского хозяйства Европейской России XVIII—XIX вв., определяют картографические материалы Генерального межевания современные географы¹⁰.

Лингвисты обратили внимание на этот интереснейший источник совсем недавно. Лингвистическому обследованию были подвергнуты карты Генерального межевания¹¹. «Писцовый архив» Генерального межевания лингвистами только начинает изучаться¹².

⁸ См.: *Иванов П. И.* Опыт исторического исследования о межевании земель в России. М., 1896; *Рудин С. Д.* Прошлое и настоящее Межевой канцелярии. СПб., 1900; *Он же.* Межевое законодательство и деятельность межевой части за 150 лет. Пг., 1915; *Семевский В. И.* Крестьяне в царствование Екатерины II, т. I—II. 2-е изд. СПб., 1901—1903; *Герман И. Е.* История русского межевания. М., 1907; *Некрасов Ф. Г.* Межевание земель в России. М., 1915, и др.

⁹ См.: *Щепетов К. Н.* Крепостное право в вотчинах Шереметьевых. М., 1947; *Мешалкин И. В.* Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII—первой половине XIX в. М.—Л., 1950; *Разгон А. М.* Промышленные и торговые села Владимирской губернии во второй половине XVIII в. — Исторические записки, 1950, т. 32; *Нерсесова Э. А.* Экономическое состояние Костромской провинции Московской губернии по «Хозяйственным анкетам 1760-х годов». — Исторические записки, 1952, т. 40; *Рубинштейн Н. Л.* Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957; *Милов Л. В.* Указ. соч., и др.

¹⁰ См., напр.: *Цветков М. А.* Указ. соч.

¹¹ *Белокуров Б. С.* Опыт использования архивных материалов в топонимике. — В кн.: Изучение географических названий. М., 1966; *Смолицкая Г. П.* Карты Генерального межевания России как источник топонимического исследования. — В кн.: Развитие методов топонимических исследований. М., 1970; *Она же.* Гидронимия бассейна Оки. (Список рек и озер). М., 1976.

¹² См.: *Котков С. И., Рыбочкина Е. А.* Лингвистическое значение «Экономических примечаний» XVIII в. — В кн.: Памятники русского языка. Исследования и публикации. М., 1979.

Задача данной статьи — показать лингвистическое значение письменной группы материалов Генерального межевания, а именно — межевых книг, полевых записок и спорных дел по межеванию.

Основным содержанием названных документов является описание границ дач того или иного земельного владения. Документы дают полную географическую характеристику обмежеванных земель: в них отмечаются леса, луга, равнины, болота, реки, урочища, овраги, возвышенности и т. д. Спорные дела, кроме материалов, касающихся межевания земель в XVIII в., включают также выписки из писцовых, межевых, дозорных, отказных и других книг XVII в., содержащих сведения о праве владения того или иного лица «спорной» дачей, а также о границах, размерах и ландшафте данной дачи.

Содержание межевых книг, полевых записок и спорных дел по межеванию показывает, что данные документы являются ценнейшим источником по изучению лексической системы русского языка XVII—XVIII вв., и в первую очередь, его географической лексики. По материалам указанных документов можно составить довольно полное представление как об общерусской, так и о локальной географической терминологии русского языка XVII—XVIII вв. Исключительно перспективным будет использование данных памятников в целях изучения исторического развития местной географической лексики. Во-первых, трудно назвать другие исторические документы, в которых бы с такой полнотой были представлены местные географические термины XVIII в. Во-вторых, описываемые книги не только дают полный и обширный географический материал определенного исторического среза, но и в большинстве случаев указывают его точную локализацию. В-третьих, географические материалы, содержащиеся в указанных документах, отличаются большой степенью достоверности и надежности, так как в большинстве случаев они записывались непосредственно из уст местных старожилов или при их присутствии. Сопоставление географической лексики современных народных говоров с материалами книг Генерального межевания, относящихся к тому же региону, позволяет определить состав традиционной географической лексики, выявить семантические сдвиги, происшедшие в местной апеллятивной лексике на протяжении ее исторического развития.

Рассмотрим значение письменной группы материалов

Генерального межевания для изучения исторического развития местной географической лексики на примере межевых книг, полевых записок и спорных дел, относящихся к Воронежскому краю.

Нами изучено 73 книги (ЦГАДА, ф. 1305. Хранилище поместно-вотчинных и межевых фондов, оп. 2, ч. 1 — далее в ссылках год, номер книги и лист).

Исследователи географической терминологии современных говоров неоднократно указывали на древность и устойчивость этого пласта лексики в диалектах¹³. Привлекаемые для анализа Дела Генерального межевания подтверждают данные наблюдения. Так, рассматриваемые документы содержат обширную коллекцию апеллятивов, широко употребляющихся в современных говорах, причем фиксации интересующих нас наименований относятся не только к XVIII в., но и к XVII в., т. е. к тому периоду, когда происходило сложение и формирование воронежских говоров (примеры XVII в. приводятся в копиях и выписях XVIII в.). Приведем собранный материал.

1. Наименования возвышенностей: *бугор* (1690, № 4, л. 104 об.), *веретье*¹⁴ (1641, № 4, л. 101 об.), *гора* (1744, № 40, л. 31 об.), *гребень*¹⁵ (1662, № 1, л. 13), *курган* (1665, № 4, л. 84 об.), *лбы*¹⁶ (1652, № 39, л. 28).

2. Обозначения низких болотистых мест: *мочежина*¹⁷ (1690, № 4, л. 119), *окладина*¹⁸ (1646, № 122, л. 79), *потеклина*¹⁹ (1744, № 130, л. 223), *солоть*²⁰ (1692, № 4, л. 124).

3. Названия оврагов: *буерак* (1691, № 4, л. 22 об.; 1764, № 73, л. 14 и др.), *вершина*²¹ (1794, № 87, л. 42 об.;

¹³ См.: Толстой Н. И. Славянская географическая терминология. М., 1969; Дьякова В. И. Географическая терминология Воронежской области. Канд. дис. Воронеж, 1973, с. 142 (в дальнейшем — Дьякова); Гусева Л. Г. Географическая терминология Каргопольского края. Автореф. канд. дис. Томск, 1974, с. 1 и др.

¹⁴ Ср.: *веретье* 'возвышенность, не затопаемая водой' (Дьякова, прил., 24).

¹⁵ Ср.: *гребень* 'продолговатая возвышенность в поле', 'песчаная насыпь продолговатой формы' (Дьякова, 23).

¹⁶ Ср.: *лбы* 'оголенные холмы' (Дьякова, 22).

¹⁷ Ср.: *мочежина* 'непротсыхаемая, мокрая низина' (Дьякова, 29).

¹⁸ Ср.: *окладина* 'низкое сырое место в поле' (Дьякова, 29).

¹⁹ Ср.: *потеклина* 'низкое болотистое место на месте старого водотока' (Дьякова, 29).

²⁰ Ср.: *солоть* 'низкое болотистое место' (Дьякова, 29).

²¹ Ср.: *вершина*, *вершок*, *враг* 'овраг' (Дьякова, 31).

1636, № 4, л. 20); *вершинка*²¹ (1694, № 4, л. 164 об.), *вершок*²¹ (1777, № 482, л. 12 об.), *враг*²¹ (1731, № 1, л. 17 об.; 1777, № 4, л. 73), *липяг* (1693, № 4, л. 56; 1698, № 1, л. 170 об.: А с топ березы. . . на гремяченскую отхожею потекль что течеть весною в гремяченской липягъ)²², *лог* (1636, № 4, л. 16 об.; 1776, № 123, л. 145 об.), *ложок* (1776, № 123, л. 146), *лощина* (1776, № 124, л. 25), *овраг* (1778, № 43, л. 60 об. и др.); *яр* (1777, № 7, л. 33), *яруга* (1744, № 482, л. 41), *яружка* (1799, № 146, л. 109).

4. Ответвление оврага: *отвершек* (1744, № 40, л. 15; 1779, № 109, л. 22 об.; 1794, № 101, л. 2).

5. Вершина оврага: *вывершек* (1676, № 488, л. 147 об.; 1779, № 488, л. 78).

6. Название места со множеством кочек: *кочкарник*²³ (1811, № 182, л. 102 об., 186).

7. Названия небольшого по площади леса: *борок* (1614, № 7, л. 192), *колок*²⁴ (1789, № 51, л. 43 об.), *куст*²⁵ (1614, № 7, л. 109 об.), *роща* (1801, № 85, л. 34).

8. Наименования леса по ботаническому признаку: *березник* (1714, № 7, л. 79 об.), *березняк* (1694, № 4, л. 164 об.), *дубнешок* (1694, № 4, л. 225 об.), *караешник* (1768, № 74, л. 2), *олех* (1692, № 4, л. 123 об.), *осинник* (1694, № 4, л. 166 об.).

9. Опушка, край леса: *подлесье* (1774, № 4, л. 77).

10. Названия зарослей кустарника: *лозинник* (1714, № 7, л. 190 об.), *орешник* (1779, № 4, л. 9 об.).

11. Группа названий со значением 'ручей': *ерек* (1649, № 4, л. 102 об.), *потекли*, pl. tantum²⁶ (1764, № 73, л. 75), *поток* (1693, № 4, л. 56), *проток* (1794, № 100, л. 4), *проточина* (1764, № 73, л. 21), *ржавец* (1779, № 123, л. 145 об.), *ручей* (1778, № 43, л. 28; 1794, № 100, л. 5).

12. Исток, начало реки: *верховье* (1778, № 184, л. 118 об.).

13. Названия со значением 'залив': *затон*, *тоня*²⁷ (1620, № 39, л. 41 об.).

14. Наименования болота: *заводы*²⁸, *топь* (1687, № 4,

²² Ср.: Ну, липях зъудел, с поля вада пашла (Дьякова, прил., 106)•

²³ Ср.: *кочкарник* 'место, покрытое кочками' (Дьякова, 41).

²⁴ Ср.: *колок* 'небольшой дубовый или березовый лесок' (Дьякова, 42).

²⁵ Ср.: *куст* 'небольшой лиственный лес в вершине оврага или в безлесном месте' (Дьякова, 42—43).

²⁶ См. и другие формы слова ниже.

²⁷ Ср.: *тоня* 'залив, тихое место, заводь' (Дьякова, 63).

²⁸ Ср.: *заводы* 'болотистая местность' (Дьякова, прил., 60).

л. 94), *трясина* (1697, № 4, л. 94), *сорма* ²⁹ (1665, № 4, л. 84 об.).

Таким образом, сопоставление материалов описываемых источников с апеллятивной лексикой современных воронежских говоров позволяет исследователям выделить традиционную географическую лексику изучаемого региона и указать ее отличительные свойства, а именно: длительность функционирования и постоянство семантики.

Большой интерес представляет фиксация в Делах Генерального межевания таких апеллятивов, которые исследователи современных воронежских говоров рассматривают как воронежские локализмы. Регистрация этих апеллятивов в описываемых источниках подтверждает их отнесение к воронежской зоне и в историческом плане.

Это следующие наименования.

Лбы. Известно в воронежских говорах в значении 'оголенные холмы' (Дьякова, 22): сеножать с устья речки Дрищевки по обѣ стороны до лбовъ (1636, № 4, л. 12); Да по речки Емонче выше лбовъ сенные ж покосы (1652, № 39, л. 28). Заметим, что в Указателе слов публикации «Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги» (М., 1977) лексема *лбы* имеет одну отсылку, и притом только на Воронежскую отказную книгу 1615—1642 гг.

Караешник. Употребляется в современных говорах в значении 'вязовый криворослый лес' (Дьякова, 75): А между онымъ лесомъ неспособной к адмиралтеиству а строение (*так в ркп.*) домов годной то есть осиновои, линовои. . . караешникъ (1768, № 74, л. 2).

Кривоборье. Распространено в говорах в значении 'лес плохого качества, кривой' (Дьякова, 100): Едучи к Дону от села Лопатокъ по правой сторонѣ противъ кривоборья промежи донскихъ дорогъ по дехтярную яму (1689, № 2, л. 61 об.).

К современным воронежским локализмам В. И. Дьякова относит и лексему *липяг* 'овраг с лесом' (158). Данный апеллятив также регистрируется в рассматриваемых памятниках в значении 'овраг' ³⁰. В свое время, изучая диалектную лексику воронежских памятников письменности XVII в., мы полагали, что лексема *липяг* в воронеж-

²⁹ Ср.: *сорма* 'болото, заросшее водной растительностью' (Дьякова, 69).

³⁰ См. пример, приведенный выше.

ских говорах XVII в. была известна только в значении 'лес, растущий на неровном месте (возвышенности)' ³¹. Значение 'овраг', отмечаемое в данной лексеме в современных воронежских говорах, мы рассматривали как более позднее, возникшее в результате семантического перехода 'верх' — 'низ' ³². Описываемые документы позволяют внести уточнения в наши прежние наблюдения: воронежские говоры уже в XVII в. употребляли лексему *линяг* как в значении 'лес, растущий на неровном месте (возвышенности)', так и в значении 'овраг'.

Воронежским локализмом считает В. И. Дьякова также лексему *проворот*, выступающую в говорах в значении 'пологий овраг' (Дьякова, 31—32). Рассматриваемые Дела Генерального межевания содержат и этот локализм: Идучи тою линиею вниз речки Гвазды потекли то ж и называемые гвозденскими и козловскими праворотами (1764, № 73, л. 75). Контекст не позволяет вывести для данного апеллятива значение 'пологий овраг'. Можно полагать, что в приведенной выписи XVIII в. интересующий нас локализм выступает в значении 'ручей в овраге' (ср. *потекли 'ручьи в овраге'* — Дьякова, 73).

Рассматриваемые памятники расширяют наши представления о словообразовательных и морфологических особенностях воронежских говоров в области географической лексики. Так, они сообщают о бытовании в воронежских говорах прошлого целого ряда лексем, являющихся словообразовательными или морфологическими вариантами современных апеллятивов. Например, в современных говорах в значении 'небольшой холм' употребляются наименования *взгорок*, *полугорок* (Дьякова, 21). Описываемые книги фиксируют неизвестные современным говорам варианты *взгорье* и *полугора*: Отделено в Усманском стану в дрвни Нижних Горкахъ усадища отъ пристани от рѣчки Усмони возлѣ лѣсъ внизъ по рѣчке по Усмони до взгорья (1641, № 4, л. 101); А переехав закленовской лѣсъ на лѣвои стороне закленовского логу на взгори

³¹ Заметим, что слово *линяг* в данном значении, кроме воронежских, было известно и другим южнорусским говорам XVII в.: елецким, донским, рязанским, тамбовским. См.: Хитрова В. И. Местная лексика в языке воронежских рукописных памятников XVII — первой четверти XVIII в. Канд. дис. Воронеж, 1972, с. 57—58; Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги, с. 314.

³² См.: Хитрова В. И. Указ. соч., с. 56—57.

поставлен столбъ (1777, № 482, л. 16); И от столба и от ямы проезжею дорогою что ездять из села Бобякова в село Сабакино к дубу что стоитъ на полугоре (1774, № 4, л. 72 об.).

Исследователи отмечают в современных воронежских говорах многочисленные варианты термина *колдобина*: колдабина, колдавинка, колдобага, колдобайня, колдыбайня, колдобажина, колдубажина, колдыбажина, колдобажня, колдыбажня, колдобаны, колдыбаны, колдобань, колдубань, колдыбань, колдобаня, колдобашина, колдубашина, колдыбашина, колдобашня, колдубашня, колдыбашня, колдобоина, колдыбоина, колдоина, колдыбина, колдыбано (Дьякова, 112). Изучаемые книги дополняют приведенный ряд новыми образованиями: Стоить дубъ крековистъ а на немъ двѣ грани адна грань назадъ к вершинамъ к столбу и грани а другая грань прямо к речки Хаве на колтубашу (1665, № 4, л. 84 об.); у сыченого логу подлѣ котлобани съ еркомъ стоитъ столбъ дубовой (1629, № 4, л. 104 об.); А рыбные ловли ему Федору вверхъ по рѣчки по Томличку по озеркамъ и по котлубанемъ (1629, № 4, л. 102 об.); На вершине береза а на ней грань а подлѣ еѣ кутлубошина съ водою (1629, № 4, л. 99 об.).

Современные говоры знают лексему *потекли*, употребляющуюся со значением 'ручей; ручей, текущий по оврагу' только в форме мн. ч. (Дьякова, прил., 156). Рассматриваемые книги дают указания на существование в воронежских говорах прошлого данного апеллятива в формах ед. числа муж. и жен. родов: И дошед до потекла которой впадает в показанную ихъ мшарную вершину. . . направо спорная а налево земля безпорная кончилась (1778, № 184, л. 51); А с той березы из грани черезъ вершину гремяченского колодезя. . . на гремяченскую отхожею потекль что течеть весною в гремяченской липягъ на дубѣ (1698, № 1, л. 17 об.).

Значение воронежских книг по межеванию для исследователей географической лексики края заключается и в том, что данные источники сообщают о бытовании на воронежской территории в прошлые эпохи таких географических терминов, которые уже не фиксируются современными говорами. Приведем примеры.

Култук: С того колена прямо на яму которая яма на огородах в култуку глубокая с лазинникамъ (1687, № 7, л. 190 об.). Ср. Даль II, 216: «Култук м. татарс. угол,

кут, мешок, тупик || *касп. аральс. байкальс.* морской залив, особ. мелкий || *Сиб.* балка, овраг тупиком»³³.

Локтина: Полянка сенокосная, которая вышла локтиною межъ Хавского ерка кои течет из рѣчки Хавы в Томличокъ. . . да у тои въ полянки на локтине по лѣвую сторону Хавского ерка у того ерка стоит волха (1649, № 4, л. 102 об.). Ср. Даль II, 264: «Локто(е)вина ж. изгиб, погиб, колено, угол, зубец. *Локтевина реки*».

Лоск (лозг): И перешедь чрезъ отвершек лоска долгова направѣ пашня села Устья (1744, № 40, л. 15); Идучи тое линиею [и перешедь чрезъ лоскъ и во ономъ ржавець] направе луга (1776, № 123, л. 130 — квадратные скобки переданы по рукописи); Идучи тою линиею. . . направѣ лозгъ называемыи долгои по которому пашенная земля села Устья (1744, № 40, л. 14 об.). Ср. Даль II, 268: «лоск. *ряз. тул.* лог, лощина, лозг, рывины и стоки по низам, промеж вереек, особ. на поемной стороне рек. || Плоская низменность». Данный апеллатив широко представлен и в памятниках воронежской деловой письменности XVII в.³⁴ Примерами бытования термина *лоск* в воронежских говорах XVIII в. мы до сего времени не располагали. Описываемые источники, как видим, сообщают нам эти сведения. Многочисленные диалектные и другие материалы, относящиеся к Воронежскому краю XIX в., *лоск* уже не отмечают. Исходя из этого, можно предположить, что рассматриваемый апеллатив бытовал на воронежской территории в XVII—XVIII вв., в XIX в. он уже вышел из употребления. Заметим, что современные говоры не сохранили его не только в нарицательных, но и в топонимических названиях.

Плота (?): А кургана (*так в ркп.*) вершиною до платей и выхавъ в тех плотахъ степью к большимъ кустамъ (1744, № 130, л. 231). См. Даль III, 128: «Плотá? ж. *вор.* лог или балка, раздол». В современных говорах данный диалектизм отмечается только в топонимических наименованиях: села Мокрая и Сухая Плота, Плотавá³⁵.

³³ В современных говорах Дона исследователи отмечают бытование этого термина в значении 'поворот реки'. См.: Рубцова З. В. Из истории донской топонимики. — В кн.: Историческая ономастика. М., 1977, с. 237.

³⁴ См.: Хитрова В. И. Указ. соч., с. 44—45.

³⁵ См.: Мильков Ф. Н. Словарь местных географических терминов Черноземного Центра. — Науч. зап. Воронежского отдела Географического о-ва СССР, вып. 2. Воронеж, 1970, с. 15; Мур-

Полуречка 'небольшая речка' (?): Подъ рекою Воронежемъ, под половиною оноихъ подъ бечевникомъ, подъ речьями, полуречьями, прудами. . . четыреста семнатцать десятинь (1778, № 1, л. 78 об.).

Присек, вероятно, 'место, очищенное от деревьев': Урочищах (так в ркп.) у бору в дровяномъ присѣкѣ поставленъ на дороге на Дон столбъ (1690, № 4, л. 118 об.). Ср. Даль III, 450: «Присекать. Весь таволожник на мѣтлы присекли, вырубилъ сплошь».

Промежек: И взявъ отъ того промежка и болшихъ таловыхъ кустовъ и стоящей близъ того большой лязны поворота вправо перешедъ оную дорогу прямо в поле (1733, № 4, л. 148). См. Даль III, 495: «Промежек, ровик, борозда, дорожка промежъ двухъ гряд».

Раздор (*раздора*): Отъ усадебъ внизъ по речки Вереики по правую сторону до Вишневои поляны до верхней раздоры и по колодезь что с левой и негочевской стороны течеть в Вереику в раздоры и с того колодезя чрезъ Вереику и в верхней раздорѣ прямо къ Землянску на осиновои кустъ (1694, № 488, л. 144). См. Даль IV, 27: «Раздоръ, разречье, разделенье реки на рукава, на потоки, разбитое на рукава устье; дельта».

Расток: А отъ техъ двухъ кустовъ к донской дуброве наверхъ лоску по правую сторону лоску и межъ ростоки и вершинъ . . . дикое поле (1689, № 2, л. 47 об.). См. Даль IV, 75: «Растокъ реки, разделенье на два тока, рукава».

Редкодуб (*редкодубье, редкодубень?*) 'редкий дубовый лес': Отъ городищенского ж леску и отрогу в редкодубѣ стоитъ дубъ крековистъ. А с того орешничка и от дуба и от грании и от яблони редкодубьемъ на дубъ (1636, № 4, л. 20). А от того орешника и от яблони едучи прямо в степь по редкодубню по левую сторону левые суходолные гвоздевские вершины (1779, № 4, л. 9 об.)³⁶.

Ржавище: Отъ середины мокрой вершины ржавища луга а далее пашенная земля села Хавы однадворцов (1776, № 123, л. 144). Ср. *ржавец* 'болото с застойной ржавой водой' (Дьякова, прил., 171).

зав. Э. М. Заметки по географической терминологии русской равнины. — В кн.: Топонимика и историческая география. М., 1976, с. 12.

³⁶ В публикации «Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги» указана только форма *редкодуб*, встречающаяся в Карачевской и Орловской отказных книгах (с. 332).

Толщи: По даче 147-го году что ему дано в Усманскомъ стану ис порозжихъ земель черного лѣсу в толщахъ по рѣчке Томлычку от Ондропова липягу внизъ по рѣчки Моклочку пять четіи (1779, № 4, л. 100 об.). По нашимъ наблюдениямъ, лексема *толщи* была известна и воронежскимъ говорамъ XIX в. Так, в статье «Река Усмань, происхождение ее названия по народному преданию» читаем: «В XVI и XVII столетияхъ по реке Усмани росли дремучие леса. Лесъ этотъ, по народному преданию, былъ строевой и до сихъ поръ в простомъ народѣ удержавши название *толщей*, от слова *толщина*, *толстый*»³⁷.

Хомутецъ: Да сверхъ того двумъ человекамъ сотникомъ у Потилонова озера в хомутце прятсотъ копенъ (1687, № 7, л. 234). См. Даль IV, 560: «Хомутина. Сиб. озеро, ерик, старица, русло рекъ, загнутое подковой».

Сравнение показаний воронежскихъ памятниковъ по деламъ Генеральнаго межеванія съ соотносительнымъ въ территориальномъ отношеніи современнымъ диалектнымъ матеріаломъ позволяетъ раскрыть семантическую эволюцію некоторыхъ местныхъ географическихъ терминовъ. Такъ, например, можно говорить о суженіи значеній апеллятива *устье*. В современныхъ воронежскихъ говорахъ *устье* понимается какъ 'место впаденія реки' (Дьякова, прил., 197). Местные исторические матеріалы показываютъ, что въ XVII—XVIII вв. данный апеллативъ употреблялся въ болѣе широкомъ семантическомъ объемѣ. Кроме современнаго значенія, имъ называли 'место слиянія, соединенія овраговъ': И перешедъ устье лошка падшего в речку Правую Хаву по теченію реки съ левой стороны. . . луга и плотина (1776, № 128, л. 33 об.); в Землянскомъ уѣздѣ в селѣ Фоминой Нѣгочевки за речкою Негочевкою . . . межъ двухъ боераковъ от озера что в голомъ боераке по острову внизъ до устья гдѣ тѣ боераки сошлись вмѣстѣ (1694, № 488, л. 89). Некоторые географические термины фиксируются въ описываемыхъ книгахъ въ значеніяхъ, не сходныхъ съ современными. Например, *всполье* въ современныхъ воронежскихъ говорахъ употребляется въ значеніи 'поле на возвышенности, края котораго служатъ для выпаса скота' (Дьякова, прил., 32). Воронежские межевые матеріалы содержатъ этотъ апеллативъ съ иной семантикой: 'край, опушка леса': На всполью бору сосна (1694, № 4, л. 221 об.); На всполье бору сосна (1797, № 51, л. 35).

³⁷ См.: Воронежскій литературный сборникъ, вып. 1. Воронеж, 1861, с. 500.

Кроме того, привлечение воронежских материалов по Генеральному межеванию позволяет уточнить семантику целого ряда апеллятивов XVII—XVIII вв. Так, в картотеке ДРС южнорусский апеллятив *раздор* иллюстрируется двумя донскими примерами XVII в. Исследователь донской топонимики З. В. Рубцова определяет значение этого донского термина как 'пространство между двумя реками, междуречье'³⁸. Описываемые книги показывают, что термин *раздор* в XVII в. употреблялся и в Воронежском крае. Причем на воронежской территории он был известен как в форме мужского, так и в форме женского рода, и имел несколько иное значение: 'разделение реки на рукава': И с того колодезя чрезъ Вереику и в верхней раздоръ прямо къ Землянску на осиновои кустъ; Отъ усадебъ внизъ по речки Вереики по правую сторону до Вишневои поляны до верхней раздоры и по колодезь что с левои до негочевскои стороны течеть в Вереику в раздоры (1694, № 488, л. 144). СЛРЯ XI—XVII вв. (вып. 3, с. 144—145) определяет термин *всполье* как 'край поля (ровной открытой местности). . . || Открытое место перед стенами города, поселения'. Исследуемые документы показывают, что данный апеллятив в XVII в. употреблялся и в значении 'край, опушка леса' (см. вышеприведенные примеры).

Описываемые источники представляют интересные и ценные материалы также и для составителей «Словаря русского языка XI—XVII вв.»: с одной стороны, они содержат лексемы, отсутствующие в картотеке ДРС, и таким образом изучение данных памятников позволяет ввести в научный оборот новые, не известные до сих пор русские слова XVII в., с другой стороны, указанные документы уточняют или подтверждают зону бытования некоторых апеллятивов XVII в.

Так, воронежские книги по межеванию содержат следующие лексемы, отсутствующие в картотеке ДРС:

Карагочники 'заросли карагача': А на кургане столпъ дубовой на немъ двѣ грани назать черезъ козацьи дачи на Хавьское и на Томлыцкое устья к дубу к грани а другая грань въверхъ по речке Томлыку на карагочники а в карагочникахъ подле Томлыцкого плеса стоять коратичь (1665, № 4, л. 84 об.).

*Окладина*³⁹: Прямо к рекѣ Хаве на верхнюю гусиную

³⁸ Рубцова З. В. Указ. соч., с. 230.

³⁹ Значение данного слова см. выше.

окладину и вверхъ по рекѣ Хаве по обе стороны да Хавскихъ лбовъ (1646, № 122, л. 79).

*Солоть*³⁹: А сенные покосы межъ поля и по заполью и по лоскам и по колодезем и по вершинамъ и по солотямъ всякому противъ своей дачи со всеми угодя (1692, № 4, л. 124).

*Сорма*³⁹: стоитъ дубъ крековистъ а на немъ двѣ грани одна грань назатъ к вершинамъ к столбу и грани а другая грань прямо к речки Хаве на колтубашу межи сормъ (1665, № 4, л. 84 об.). Отсутствуют в картотеке ДРС также указанные выше апеллятивы *колтубаша*, *котлобань*, *котлубань*, *кутлубошина*, *присек*, *расток*, *ржавище*, *хомутец*.

Картотека ДРС, располагая выписками лексем *култук*, *лияз*, *потекль*, *раздор* изъ памятников южнорусской письменности XVII в., примеров бытования данных лексем на воронежской территории XVII в. не содержит. Описываемые источники, как видим, дают в руки исследователей такие сведения. Лексема *локтина* иллюстрируется в картотеке ДРС двумя примерами из воронежской письменности XVII в. Наши памятники содержат еще одну воронежскую фиксацию данного апеллятива.

Не будем касаться иных аспектов изучения местной географической лексики по материалам Дел Генерального межевания. Полагаем, что изложенного в статье достаточно для вывода о том, что данные источники с точки зрения изучения по ним местной географической лексики в ее историческом развитии имеют исключительное значение.